

Сюй Цзыин никак не мог унять свой гнев. Он гнался за Жун Фэйянем добрую половину дня, не останавливаясь ни на миг, и успокоился лишь тогда, когда Жун Фэйянь позволил ему оставить несколько грязных следов от сапог на подоле своего халата.

Дядя Пэн, проходя мимо, бросил на них короткий взгляд и разогнал всех любопытных, кто пытался подобраться ближе. Уходя, он лишь бросил через плечо:

— Точно дети малые, играют в дочки-матери.

Жун Фэйянь не обратил внимания на следы от ног на одежде. Скрестив руки на груди, он склонил голову набок и посмотрел на Сюй Цзыина:

— Ну что, всё ещё злишься? Кто из нас двоих здесь прадед, а кто — правнук?

— Это я твой прадед! — с трудом выкрикнул Сюй Цзыин. Он так выдохся, что обессиленно рухнул на каменный выступ. От усталости его лицо покраснелось, и на бледной коже проступил нежный румянец.

Глядя на это личико, Жун Фэйянь почувствовал, как его раздражение улетучилось, сменившись лишь желанием заключить юношу в объятия и как следует приласкать.

— Никто больше не будет терпеть твои выходки так, как я. Если окажешься где-то еще, ни в коем случае не смей так разговаривать с другими людьми.

Сюй Цзыин огрызнулся:

— Не переживай, я ни с кем так не разговариваю. Только с тобой одним.

Жун Фэйянь неожиданно развеселился и даже нашел в этом свою логику:

— Говорят, человек показывает свое истинное лицо только самым близким. Раз ты так со мной общаешься, значит, признал, что я — твой мужчина.

Сюй Цзыин закатил глаза:

— Тьфу, бесстыдник.

После этих слов, как бы Жун Фэйянь ни пытался его раззадорить, Сюй Цзыин хранил молчание. Он понуро опустил голову, а его руки, обмотанные бинтами, беспомощно лежали на коленях — вид у него был одновременно обиженный и донельзя комичный.

Жун Фэйянь, недолго думая, приподнял полы халата и сел на край колодца, сложенного из камней. Вытянув длинные ноги, он подался вперед и ткнул Сюй Цзыина пальцем в лоб.

— Как переночевал?

С того самого момента, как Жун Фэйянь вчера притащил его на кухню, Сюй Цзыин так и оставался здесь. Вечером, после ужина, дядя Пэн отвел его в небольшой шатер позади кухни.

Внутри шатер был разделен перегородкой: Сюй Цзыин спал в глубине, а дядя Пэн — у самого выхода, так что они друг другу не мешали. Единственной бедой было то, что ночью Сюй Цзыин не мог и шагу ступить наружу.

Даже по нужде приходилось пользоваться ночным горшком, а дядя Пэн, казалось, видел всё затылком: стоило Сюй Цзыину приблизиться к выходу, как старик одним лишь взглядом заставлял его отступить. После целой ночи этой «битвы умов» Сюй Цзыин окончательно убедился: этот с виду безобидный и добродушный старик — точно приспешник Жун Фэйяня, приставленный следить за ним.

Сюй Цзыин отвел голову, не давая Жун Фэйяню продолжать тыкать его в лоб, и зло бросил:

— Какое тебе дело? Иди у того старика и спрашивай!

Жун Фэйянь наставительно произнес:

— Дядя Пэн — человек старше нас, и ты обязан проявлять к нему уважение.

Сюй Цзыин, не подумав, брякнул первое, что пришло в голову, но, осознав неуместность слов, надул губы:

— Ладно, дай мне денег, и я буду отвечать этому старику по восемь земных поклонов в день.

Жун Фэйянь приподнял бровь, в уголках его губ заиграла загадочная улыбка. Он еще мгновение смотрел на Сюй Цзыина сверху вниз, а затем вернулся к прежнему вопросу:

— Я тебя спрашиваю, как переночевал? Привык?

Сюй Цзыин ответил:

— А мы с тобой настолько близки?

Жун Фэйянь усмехнулся и легко, почти невесомо проговорил:

— Хорошо. Если не хочешь отвечать, перебирайся ко мне в постель. Обещаю, там тебе будет куда комфортнее.

Сюй Цзыину хотелось оказаться как можно дальше от него, поэтому он поспешно ответил:

— Хорошо, просто замечательно.

В его тоне сквозила явная издевка:

— И спасибо за телохранителя, которого ты мне приставил. Я чувствую себя в такой невероятной безопасности.

Жун Фэйянь понял, о чем он, и не удержался от смеха:

— Польщен, очень польщен.

Сюй Цзыин понял, что в споре ему не победить, да и сил ругаться уже не осталось. Он равнодушно посмотрел на пейзаж вдалеке, а затем медленно повернул голову к Жун Фэйяню:

— Чего ты от меня хочешь?

Жун Фэйянь прикинулся непонимающим:

— В каком смысле чего хочу?

— Ты!... — Сюй Цзыин осекся, не желая продолжать. Тревога и подозрения грызли его изнутри, и он выдавил:

— Если хочешь убить — убей, если хочешь пытать — делай это сразу. Зачем ты держишь меня здесь?

Их взгляды встретились, и Жун Фэйянь вдруг прыснул со смеху.

В его смехе проскользнула дерзость, а лицо словно озарилось лучами солнца. И без того красивый, с густыми бровями и глубоким взглядом, он в этот момент стал настолько притягательным, что любой мог легко в нем утонуть.

— Разве не ты говорил, что пришел отдать долг? Я долго думал и решил: будешь помогать дяде Пэну на кухне.

Он добавил:

— Дядя Пэн готовит еду для меня и моих помощников, а также для сотни солдат. Работа непыльная, условия хорошие. Будешь помогать ему — и не устанешь, и по серебряному в день получать будешь. Разве не здорово?

<http://bllate.org/book/18792/1825609>